

Алтаю изначально везло на мудрых и талантливых людей, полюбивших этот древний и самобытный край. И если одни, как писатели Вячеслав Шишков и Василий Шукшин, даже уехав в Москву, могли навещать родные места, то прозаику и эмигранту Георгию Гребенщикову путь туда был заказан, и он превратил свою малую родину в некий символ, разлетевшийся по всему свету. Имею в виду его книжную эпопею о братьях Чураевых, решивших обустроить грядущую Сибирь. И даже создал свою «Чураевку» в американском штате Коннектикут почти сто лет назад.

И этот дачный поселок стал символом надежд многих эмигрантов, мечтавших о своей грядущей России, пусть и на других континентах.

А вообще поселок для творческих людей затеял граф Илья Львович Толстой, пригласив сюда именитых русских эмигрантов, в том числе и уроженца Алтая, писателя Георгия Дмитриевича Гребенщикова. И тот вспоминал, что «граф привез нас к себе в гости в апреле 1925 года. Я тогда почти не говорил по-английски, и граф был моим переводчиком при покупке земель будущей Чураевки»...

Конечно, не всем эмигрантам так повезло, но у многих было заветное желание обустроить в дальних краях русские селения как остров-

ки былой и самобытной культуры, которые могли бы передать детям и внукам. И эта преданность благой идее была сродни мессианской, и в далеком Парагвае, к примеру, желающим влиться в землячество и создать некую новую Россию вручали кирку или мотыгу. Но эта затея провалилась, и когда нашим военным эмигрантам, сражавшимся на стороне «белых», предлагали такой символ, они пожимали плечами и уходили, предпочитая иметь дело с оружием. И становились наемниками, делая порой блестящую карьеру в той же Южной Америке, а также в Персии, Абиссинии и Балканских странах, более близких к России. И особенно в Маньчжурии, где тысячи русских наемников сражались в армиях тамошних генералов, оставшись навечно в чужой земле.

Об этом уже много написано, и хотя, будучи историком восточной ветви Русского зарубежья, я основательно изучил такие публикации, все же предпочитаю биографии и творчество бывших эмигрантов, с которыми когда-то общался, либо долгие годы переписывался. И эти воспоминания, переписка и архивные материалы легли в основу моей книги «Эхо Русского зарубежья», вышедшей в Хабаровске в 2006 году и переиздававшейся с дополнениями.

А отправной точкой стал очерк «Такой необычный однофамилец».

где я рассказал о знакомстве с писателем и бывшим эмигрантом Всеволодом Никаноровичем Ивановым, упомянув и другого легендарного писателя, Альфреда Петровича Хейдока, с которым был тоже знаком, но уже заочно, и переписывался через его литературного секретаря, поскольку этот удивительный человек, живший в то время на Алтае, в городе Змеиногорске, был уже слеп. Перепечатывал и его рукописи, что мне присылали.

И даже представил, как жили и чем интересовались два этих незаурядных человека после возвращения из эмиграции. Был у них и общий знакомый, знаменитый художник Николай Константинович Рерих, когда-то искавший на Алтае легендарную Шамбалу и Беловодье. И, вроде бы, нашел, предположив, что гора Белуха могла бы считаться их сибирским воплощением.

Я не поклонник восточного мистицизма, и творчество Хейдока мне интересно само по себе, а «тема Рериха» это своеобразный узел, связавший не только упомянутых писателей, но и других моих именитых знакомых, литераторов и художников, пытавшихся найти «свой» Алтай.

Кстати, всероссийская литературная премия «Белуха» имени Г.Д. Гребенщикова, которой я недавно удостоился, могла бы стать неким символом в глазах моих давних знакомых, любивших древний и мистический Алтай, но этих людей уже нет. Поэтому углубляться в мистику не буду, а продолжу тему вполне земную – это как возвращались к родной земле писатели-эмигранты.

И ограничусь одной лишь фразой на тему дзен-буддизма, которым также интересовались Всеволод Никанорович Иванов и Альфред Петрович Хейдок, это о сути

нравственного выбора, и фраза звучит так: «Легко войти в мир будды, но нелегко войти в мир дьявола», где название персонажей пишутся с маленькой буквы, ибо речь не о них, а о внутренней свободе.

Да, соглашаться всегда легче, чем быть инакомыслящим. И оба упомянутых писателя сделали это по-своему, хотя особого выбора в послевоенной Маньчжурии и не было: либо добровольно, либо в арестантском вагоне вернуться в бывшее Отечество, ставшее иным и непонятым.

И каждый отработывал это возвращение – кто тихо и незаметно, а кто и на пропагандистской стезе, утверждая, что «счастлив вернуться». Хотя жить там, где хотелось бы, у них не получилось.

А ведь вернулись Хейдок и Иванов уже в пожилом возрасте и именитыми писателями, но первого, прошедшего сибирские лагеря, обрекли на бедность и забвение, а второй стал служить «сумеркам русской мысли», как когда-то называл большевистскую Россию, и даже призывал вешать «красных», будучи редактором «белых» изданий. И по иронии судьбы получил советскую медаль к столетию со дня рождения В.И. Ленина, чему был очень рад.

Конечно, вспоминать об «иной» России и эмиграции в Китае тогда было не принято, но все же мой именитый однофамилец слегка приоткрыл запретную тему, и начинающий в ту пору писатель Юлиан Семенов с ним консультировался и даже изобразил «редактором Ванюшиным» в книге о разведчике Исаеве, будущем Штирлице.

Мне и сейчас нравится историческая проза Всеволода Никаноровича Иванова. С интересом читаю и его воспоминания о Гражданской войне и эмиграции, вышедшие уже после кончины писателя.

А когда работал в редакции журнала «Дальний Восток», ознакомился и с первоначальными вариантами воспоминаний, которые мои предшественники основательно исправили. Видел и неопубликованные рукописи. Так что могу судить об изменении взглядов вернувшегося из эмиграции автора.

Кстати, что-то из прежде запретного Всеволод Никанорович включил в книгу воспоминаний «Огни в тумане», готовившуюся на склоне лет. И степень откровенности этой книги уступает многим произведениям белоэмигрантов, в особенности «Окаянным дням» Ивана Алексеевича Бунина. Уж слишком старательно выписаны и отредактированы очерки, много в них недосказанности. И даже полемика с коммунистической прессой и нападки из-за рубежа на Советскую власть выглядят вяло, неубедительно. Будто автор еще в конце двадцатых годов предполагал вернуться в Россию, а десятилетием позже и вовсе получил советское гражданство и работал на ТАСС. Другие российские эмигранты ему не доверяли, и кто-то из знакомых мне людей, вернувшихся из Маньчжурии, считал его «разведчиком», но я так не думаю. Да, был журналистом, позже – информатором и консультантом, но не «рыцарем плаща и кинжала», каким хотели бы видеть его поклонники шпионской литературы. Просто человек разочаровался в своем «белогвардейском» прошлом, а последним и решающим намерением вернуться в Россию, по моему мнению, стала неясность в судьбе сына Григория, уехавшего ранее и пропавшего в Гулаге. И каково было отцу получать письма с чужбины, где бывшая жена с болью спрашивала: «Ради Бога, сообщите, где наш сын Гриша?!»

И таких разделенных семей было немало. У писателя Хейдока сын тоже пропал в Гулаге, как и он сам отсидел в заточении, и несчастный отец замкнулся в горе, найдя утешение в восточном мистицизме и раздумьях об Алтае и художнике Рерихе.

А писатель Иванов, «привязанный» к Хабаровску, был, по его же словам, государственным и русским патриотом. И ему так хотелось оправдать доверие Советской власти. Потому и писал о победах СССР и «нового» Китая, воспевая социализм. Не думаю, чтобы он был всегда искренен, но как опытный публицист умел найти нужные слова. И даже опубликовал внушительную по объему книгу «Путь к Алмазной горе», где концовка напоминала газетную передовицу, и автор позднее предпочитал не вспоминать об этой книге.

Как и переусердствовал в письме Генеральному секретарю Союза писателей СССР Александру Фадееву, где, возможно, проявил минутную слабость и решил поиграть эрудицией и сказать собеседнику нечто пафосное. Черновик этого письма я уже приводил в своей книге «И останется Слово», изданной в Хабаровске в 2017 году, поэтому не буду повторяться, а лишь напомню, что автор восхищался неоконченным романом Фадеева «Черная металлургия» и сообщал, что «пятое утро подряд сижу на диване и слушаю передачи хабаровского радио, в которых идут отрывки из Вашего романа... И вижу воочию, как живет наша новая страна, которая стоит ведущим журавлем в косяке мира, как стоит она спокойно, широко, прочно, без всяких оттепельных лихорадок... И ваш роман «Черная металлургия» означает возникновение новой, плодотворной советской литературы.

Есть голос, на который нужно теперь идти... И Вы удивительно точны во всем, начиная с заглавия Вашего романа – «Черная металлургия». Это художественно! Умно, как в музыке... И еще хочется отметить одно – Вашу абсолютную мастерскую меткость. «Разгром», «Молодая гвардия» «Черная металлургия». Это три точных выстрела прямо в яблочко».

И насчет меткости шефа советской литературы Всеволод Никанорович оказался прав, хотя и трагическим образом: спустя два года Фадеев застрелился, написав перед этим горькое и откровенное письмо партийному руководству, которому служил верой и правдой. Роман же «Черная металлургия», переделывавшийся автором на новый, «оттепельный» лад, так и остался незавершенным.

Вот такое письмо. И к его автору, как и к Фадееву, я отношусь с симпатией, хотя и затронул неприятную тему. И когда вначале двухтысячных отослал свой очерк «Такой необычный однофамилец» знакомому писателю и бывшему эмигранту и узнику Гулага Валерию Юрьевичу Янковскому, который был знаком с «нашим» хабаровским Ивановым, заодно поинтересовавшись его мнением о Фадееве, он назвал его однозначно «палачом, губителем отечественной литературы, без всякого на то снисхождения». Но я так не думаю, и для меня Фадеев отнюдь не палач, но и жертва трагических обстоятельств, и он отстаивал свои революционные идеалы до конца.

И, кто знает, быть может, в пьяных видениях литературного генсека, частенько вырубавшегося в московских скверах, всплывали картинки беззаботного дореволюционного детства, когда он с двоюродными братьями Всеволодом

и Игорем Сибирцевыми так верил в светлое будущее. Братья стали легендарными личностями, погибнув за Советскую власть, а Александру Фадееву вроде как повезло, но позже и для него сгустился мрак. И по свидетельству очевидцев, когда глава Союза писателей СССР лежал на газоне в пьяном угаре, даже бичи обходили его стороной, и какие-то люди в штатском всегда маячили в стороне, отпугивая запоздалых прохожих.

Но причем тут Алтай и писатель Гребенщиков, спросите вы. А при том, что тема Алтая, Сибири и Приамурья, которые так хотели обустроить некогда молодые и энергичные люди, упомянутые в этой статье, оказались связаны невидимой нитью. И тот же Альфред Петрович Хейдок, работая над циклом рассказов «Звезды Маньчжурии», наверное, мог бы увидеть в этом знак судьбы. И Всеволод Никанорович Иванов, полемизируя с художником Рерихом, тоже «поглядывал» на Алтай, но уже с позиций старообрядческого мистицизма. А уж Валерий Юрьевич Янковский, знавший об американской «Чураевке» и ее создателе, мог бы с гордостью сказать, что свои образцовые таежные усадьбы, только в Приморье и Корее, их энергичная семья создала еще раньше писателя Гребенщикова.

И вообще идея «Новой Сибири» витала в воздухе. Только путь к ней оказался разным. И даже рьяный большевик Александр Фадеев, я думаю, тоже мечтал о своей «Чураевке», хотя и под другим названием.

Вот такое долгое эхо у книг Георгия Дмитриевича Гребенщикова, которому некуда было возвращаться, и он подарил мечту энергичным романтикам, хранившим ее даже на чужбине.